

Гильмуллин Айнур Разифович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Казанского (Приволжского)
федерального университета

Определенность правопонимания как фактор эффективности юридической науки

Для современного этапа развития отечественной правовой системы, как и всех глобальных правовых систем в целом, характерна постоянная, динамичная и хаотичная трансформация геополитических, политических, экономических, культурных и научно-технологических отношений и стандартов, непосредственно или опосредованно воздействующих на настоящее и будущее российского общества и государства.

Как представляется, данные объективные тенденции, основанные на принципиально новом векторе человеческой активности и продиктованные их глобальным (универсальным) влиянием и значением, с одной стороны, понуждают отечественную правовую систему к адекватной адаптации в новых условиях, в том числе к конструктивному реагированию и нахождению оригинальных подходов в процессе правового регулирования и правоприменения, тогда как с другой — непосредственно проецируются на юридическую науку и ставят перед ее теоретико-правовой частью кардинально новые задачи, связанные с необходимостью критического (метафизического) переосмысления данных направлений развития, методологического сопровождения и прогнозирования новых сфер правового регулирования. При этом наиболее «чувствительными» и одновременно скрытыми дилеммами, требующими особого внимания и осмысления со стороны теории права, видятся фундаментальные вопросы и перспективы сохранения идеи права, а также его онтологической и аксиологической роли и значения в контексте постнеклассических глобальных процессов.

Стоит отметить, что некоторые вызовы современности уже не раз становились предметом комплексного исследования с нашей стороны¹. К примеру, в рамках проведенного ранее анализа взаимосвязи правопонимания с политикой и экономикой было сделано заключение о том, что сложившаяся международная экономическая конъюнктура, а именно ее отношение к праву как нормативному средству для оформления тех или иных экономических и политических отношений, не может не вызывать вопросов и опасений, и, самое главное, обусловлена она не отказом от права как элемента культуры всей цивилизации, а отсутствием системного, концептуального понимания сущности права, его меры (границ), то есть существующие формальные права человека не позволяют идентифицировать право как онтологический, гносеологический феномен, имеющий собственное, присущее только ему содержание. Отсутствие определенных сущностных императивов права (и, следовательно, концепции правопонимания), предоставляющих возможность направлять, ограничивать функционирование публичных органов власти и других субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, позволяет им относиться к праву как к своего рода «оформителю» экономических, политических и иных отношений².

Другой, не менее важной дилеммой, на которую, на наш взгляд, важно обратить внимание в контексте настоящего исследования, является вопрос нахождения правового баланса между свободой научного творчества и самореализацией человека, с одной стороны, и достоинством, личной неприкосновенностью и безопасностью человека — с другой, опосредованный стремительными научными открытиями и достижениями во всем мире.

Не станет преувеличением утверждение о том, что человечество достигло такого уровня своего развития, когда можно с уверенностью констатировать: оно обладает необходимыми знаниями для поддержания базовых основ своей жизнедеятельности как особого вида живой природы. Однако разум человека продолжает становиться все более «уверенным» в себе и при этом особо ничем

¹ Гильмуллин А. Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 61–77; Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 80–88.

² См. Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 83.

не ограничивается при выборе объекта и методов своего познания, в том числе в тех областях, которые имеют прямое отношение к природе человека. В. Д. Зорькин в этой связи справедливо замечает: «Человек, возомнивший себя венцом творения, смотрит на окружающий его мир не как на внутренне связанную с ним среду его обитания, являющуюся условием продолжения человеческого рода, а как на совокупность внешних по отношению к нему средств, которые он может использовать для своего личного благополучия и самореализации»¹.

В частности, как свидетельствует хроника научных открытий, зачастую те или иные изобретения, инновации и технологии (в том числе *NBIC*-конвергенции) стремительно и повсеместно предлагаются и внедряются в социальную, экономическую, военную, экологическую сферу. Речь в том числе идет о таких новых технологиях, как создание гомункула — искусственного «двойника» человека, биологизаторские идеи о создании «сверхчеловека» с его особыми умственными данными, технологии бионики, искусственный интеллект и его творческие функции и т. д. Как правило, авторы современных научных открытий в силу специфики своей деятельности объективно и комплексно не рефлексиируют на тему о том, как такие открытия соотносятся с правами, свободами и обязанностями человека, в частности, какие реальные и потенциальные вызовы и угрозы могут последовать за этими открытиями сегодня, завтра и т. д.

Данные антропогенные факторы, подпитываемые международной научной конкуренцией за глобальное экономическое могущество, технологическое и военное преимущество, уже давно вызывают немалую озабоченность со стороны экспертов разных направлений и являются объектом комплексных обсуждений представителями как естественных, так и гуманитарных наук, имеющими разные взгляды на происходящие вокруг человеческой природы научно-экспериментальные процессы, что представляется вполне закономерным. Как отмечает В. В. Лапаева, «глобальный характер современных антропогенных рисков, представляющих угрозу выживанию всего человечества, является главной особенностью нынешнего исторического этапа, обозначаемого как поздняя современность»². Свои опасения по поводу этого вопроса высказывал и академик В. С. Степин: «Проблема сохранения личности приобретает в современном мире еще одно, совершенно новое измерение. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир»³.

Некоторые авторы достаточно обоснованно, на наш взгляд, предлагают контролировать и координировать процесс научно-технологической эволюции посредством правовой регуляции. К их числу относится, например, американский философ Ф. Фукуяма, по мнению которого юридическая регламентация позволит мировому сообществу контролировать биотехнологию человека и «потребуется от законодателей всех стран мира взять на себя ответственность и принять трудные решения по сложным научным вопросам»⁴.

По нашему мнению, как и любой иной процесс нормативной регламентации, законодательное регулирование в области научно-технологических изысканий в первую очередь должно носить сугубо профессиональный, рациональный характер и, самое главное, базироваться на определенной правовой основе. Как справедливо подметила в этой связи О. В. Романовская: «Это налагает серьезное бремя на законодателя, определяющего в этих сложных условиях ту «нить Ариадны», призванную провести науку сквозь угрозы, соблазны, кризисы современного мира»⁵.

Иначе говоря, важное значение имеет понимание того, что прежде чем законодательно ограничивать те или иные научные исследования, такие ограничения должны быть действительно научно обоснованы, в том числе путем их глубокого и концептуального философско-правового переосмысления, а также с помощью научных доказательств и опровержений, эмпирических данных, в целях недопущения ситуации, когда могут быть произвольно нарушены либо ограничены чьи-либо права и законные интересы.

¹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 20.

² Лапаева В. В. Право как фактор снижения антропогенных рисков: с позиций концепции техно-гуманитарного баланса. URL: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва: Гардарики, 2006. С. 102.

⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. Москва: ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. С. 25.

⁵ Романовская О. В. Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 14.

По нашему убеждению, в процессе рационального осознания, исследования и разрешения всех этих фундаментальных вопросов право как предметная сторона юридической науки не может «тихо стоять в стороне» и выступать лишь в контексте позитивистской или нормативистской традиции, то есть как форма, система и т. д., которая должна будет обеспечить формально-логическое и юридико-догматическое сопровождение и оформление. Право должно стать первостепенной, определяющей основой с рационально-философским (сущностным), теоретико-методологическим содержанием и смыслом по вопросам, прямо опосредованным человеческим естеством и его сохранением¹. Другими словами, любая деятельность (будь то: политическая, экономическая, научная и т. д.; законотворческая, правоприменительная или исследовательская), планируемая и реализуемая посредством применения либо обусловленная обстоятельствами применения юридических средств, предполагает прямую детерминированность сущностными началами (основаниями) права. На данные аспекты также обращают внимание Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор: «Развитие конвергентных технологий актуализирует и обостряет, прежде всего, философские проблемы права, служит предпосылкой к переосмыслению сущности права, его роли и значения в жизни современного общества»².

Отсюда следует, что особое внимание отечественной теории и философии права должно быть сосредоточено на выработке теоретической однозначности (упорядоченности) содержания прав и свобод человека в контексте их рационального обеспечения и недопущения произвольного ограничения, то есть на вопросах создания теоретико-методологических (онтологических) основ для достижения разумного баланса в процессе правового регулирования, способствующего безопасному и устойчивому развитию российского общества и ограждению его от потенциальных рисков и угроз в настоящем и будущем.

Как представляется, достичь существенных и объективных результатов со стороны юридической науки в этом направлении возможно, прежде всего, в условиях доктринальной определенности в понимании права. Как точно отмечал в этой связи М. И. Байтин, «творческое исследование... разносторонних проблем... возможно лишь на основе верного понимания права»³.

Для современной отечественной юридической науки это, в свою очередь, означает, что в существующих условиях юридическая гносеология не может исходить из разных представлений и интерпретаций сущности права и руководствоваться ими. Например, быть мотивирована либо ограничена только вопросами классификации нормативных актов, выявления и устранения противоречий в правовой системе, анализа систем права в фокусе сравнительного правоведения, внедрения международного опыта, генерирования новых и разграничения существующих отраслей и институтов права, обоснования значения решений судебных органов в правовой системе в рамках позитивистского (нормативистского) или социологического подходов к праву. Или заниматься поиском методологических оснований для расширения прав и свобод человека, их обоснования и реализации в фокусе естественно-правовой доктрины и т. д.

В этой части обращает на себя внимание то, что данные подходы основаны на абсолютно разных методологических принципах понимания и обоснования природы права.

Существующий методологический плюрализм относительно фундаментальных аспектов права в конечном счете становится следствием того, что сторонники и приверженцы того или иного подхода к правопониманию не признают обоснованности доводов тех, кто аргументирует свою позицию исходя из иных, в том числе собственных представлений о понимании права. В итоге это приводит к тому, что понимание основополагающих аспектов права: принципов, функций, целей, дефиниций и т. д. — размывается, исходя из разных подходов, интерпретаций и целеполаганий. Вместе с тем в доктрине справедливо обращается внимание на то, что «в последние годы «коллизия правопонимания» стала трансформироваться в коллизии правосознания общества, в правовые установки и действия граждан, должностных лиц, политических деятелей»⁴. И далее авторы приходят к вполне закономерному выводу: «Теоретические коллизии не ме-

¹ Гильмуллин А. Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права. С. 71–72.

² Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва, 2020. С. 92.

³ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 55.

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

нее опасны, чем практические, ибо правоприменение прямо и непосредственно зависит от правопонимания»¹.

Иными словами, туманность (неопределенность) в правопонимании способствует усилению дезорганизации юридической науки и накоплению диссонансных и противоречивых тенденций в юридическом познании, мышлении, воспитании, а также в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Здесь нельзя не сказать, что в современной отечественной доктрине правопонимания определенную популярность приобрел интегративный подход к праву или интегративное (интегральное) правопонимание, на основе которого предпринимаются попытки обосновать и описать состояние и функционирование современной отечественной правовой системы.

Американский юрист, родоначальник теории «интегративной юриспруденции» Г. Берман, раскрывая в своем труде «Западная традиция права: эпоха формирования»² категорию «право в действии», указывал на необходимость объединения правового позитивизма, теории естественного права и исторической школы права и создания примиряющей их интегральной юриспруденции.

Отсюда можно сделать вывод, что квинтэссенцией интегративного понимания права выступает синтез разных концепций правопонимания и всего того общего, что их объединяет, в целях создания единого понятия права³, позволяющего учитывать достижения имеющихся концепций правопонимания⁴. Между тем набор концепций, подлежащих интеграции, сторонниками данного подхода в правопонимании не всегда последовательно определен и до настоящего времени однозначно не обозначен. Предлагаются разные варианты интеграции: одни теоретики права рекомендуют вариант естественно-позитивного права⁵; другие авторы ссылаются на формальные требования равенства и справедливости⁶; по мнению третьих, право объективируется в принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве⁷, и т. д.

Необходимо все же обратить внимание на то, что, как отмечает ряд авторов, интеграция (синтез) подходов в правопонимании носит, как правило, компилятивный⁸ и эклектический⁹ характер. Есть и те, кто оценивает интегративное правопонимание в более строгой форме, указывая на то, что «в содержательном плане это выглядит скорее слабой неопозитивистской рефлексией правосознания, принципиально не готового (и не желающего) расставаться с исконно-позитивистскими стереотипами»¹⁰. Н. В. Евдеева считает, что причиной формирования интегрального правопонимания является «кризис науки вообще и юриспруденции в частности; утрата классическими концепциями главенствующих позиций в связи с изменением требований правовой действительности»¹¹.

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва, 1994. С. 22.

³ Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2001. С. 49.

⁴ Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 72.

⁵ Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 10.

⁶ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Kazan University Law Review. 2016. № 1. С. 6.

⁷ Ершов В. В. Регулирование правоотношений. Москва: РГУП, 2020. С. 9.

⁸ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. Москва: Российская академия правосудия, 2012. С. 8.

⁹ Зорькин В. Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы», проводимой Институтом проблем правоприменения Европейского университета (г. Санкт-Петербург, 15 апреля 2010 года). URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁰ Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=118796&ysclid=lwghzv31qx679506570#Lvy4QDUU693gFFCG1> (дата обращения: 02.05.2024).

¹¹ Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 11.

Видится важным напоминание о том, что речь в данном случае идет о формировании именно основополагающих и системообразующих компонентов правовой материи, каким, собственно говоря, и выступает базисное направление юридической науки — правопонимание (знание о сущности права), от определенности содержания которого прямо зависят все сферы правовой деятельности, и не только правовой.

На наш взгляд, соединение разных теоретических принципов и подходов к правопониманию, никак не определяющих их фундаментальную (сущностную) приоритетность по отношению друг к другу, может продуцировать непреодолимые методологические препятствия и предпосылки для возникновения конкуренции и противоречий между ними как в процессе правового регулирования, так и в процессе правореализации (правоприменения).

Но самое главное в данном вопросе то, что такие категории, как «естественное и позитивное право», «равенство и справедливость», «принципы и нормы права», являясь базовыми для разных версий интегрального правопонимания и, по сути, признавая и допуская разные модели человеческой активности (свободу и ответственность), нуждаются в более глубоком гносеологическом исследовании с целью придания теоретической однозначности и установления упорядочивающих их оснований (первоначал, первопричин), иначе говоря, нуждаются в определении их объективной рациональной сущности, или, как справедливо отметил В. М. Баранов, истинности как сущностного свойства права¹.

Очевидно, что современная мировая и отечественная юридическая наука накопила солидный «арсенал» конкретных и необходимых исторических и современных знаний об особенностях становления и развития права, его онтологической, аксиологической и гносеологической эволюции, современных тенденциях и противоречиях развития, достаточный для объективного познания и кристаллизации фундаментальных начал права. При этом, на наш взгляд, обращение и обработка данных знаний должны носить сугубо рациональный и объективный характер, а именно исходить из необходимости нахождения и обоснования объективных (научных, сущностных) законов изменения и развития права, определения практической и универсальной ценности знаний о праве, выработки научного предвидения и прогнозирования будущего права и т. д.

Именно соблюдение и реализация данных базовых требований науки (научной рациональности), по нашему мнению, может позволить, во-первых, осмыслить и обосновать конкретное научное (теоретическое) знание (представление) о праве как о самостоятельном объекте, объективно обладающем определенной внутренней сущностью (неотъемлемым качеством), и на его основе структурировать (рационализировать) базовые категории (предмет, объект, принципы, методы) юридической науки, а также структурные элементы правовой системы; во-вторых, повысить аксиологические основания и регулятивный потенциал права, создав устойчивую методологическую базу для процессов правотворчества и правореализации, в том числе в тех областях общественных отношений, которые динамично возникают под воздействием глобальных геополитических, политических, экономических, культурных и научно-технологических процессов. В части последнего стоит сказать: несоблюдение данных требований чревато тем, что юридическая наука в условиях отсутствия теоретической определенности (рациональности) в отношении идеи и сути права, а именно в условиях имеющейся разобщенности его онтологических, методологических и гносеологических оснований, может заметно снизить и дискредитировать свои аксиологические свойства и качества, как следствие, поиск и выработка фундаментальных критериев правовой материи могут постепенно стать объектами исследования иных смежных наук.

Горбачева Светлана Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета,
ученый секретарь Ученого совета Нижегородского
института управления — филиала РАНХиГС

Конституционное развитие России: проблемы периодизации

На межвузовском практическом мотивационно-просветительском форуме, посвященном роли современной юридической науки в жизни российского общества, профессором А. В. Малько

¹ Баранов В. М. Сущность права в фокусе гносеологии // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина. Саратов: Изд-во СГЮА, 2022. С. 59.